

Он скромно опустил голову, его голос был мягким, но слова звучали твёрдо:

— Учитель, сегодня утром я получил ваше письмо, но я считаю, что правда должна быть правдой. Там, где не следует вмешиваться, нужно показать пример. Жизни солдат на границе важнее, чем эти коррумпированные чиновники.

Великий наставник Чан, выглядевший старчески уставшим, вздохнул:

— Цзымо, ты вырос и научился спорить с учителем.

— Я не смею.

Цзэн Цзымо ответил.

Великий наставник Чан снова вздохнул и постучал пальцем по столику в карете.

Цзэн Цзымо понял намёк и налил учителю чаю.

Великий наставник Чан сделал глоток, наслаждаясь сладким вкусом свежего чая. Закрыв глаза, он произнёс:

— Молодость горяча. Ты ещё не освоил искусство быть чиновником. Это всего лишь сделка, но ты воспринял её слишком серьёзно, поставив меня в неловкое положение.

Цзэн Цзымо не был неучем, он просто не хотел учиться этому. Он знал, что если бы сейчас сказал «я виноват», Великий наставник Чан не стал бы его слишком упрекать. Но если бы он действительно так сказал, он бы перестал быть самим собой.

В напряжённой тишине, нависшей между ними, Великий наставник Чан выпил половину чашки чая, а затем махнул рукой, выгоняя этого упряма из своей кареты.

Цзэн Цзымо ушёл, и карета медленно тронулась.

Великий наставник Чан некоторое время сидел в молчании, а затем вдруг вылил оставшийся чай, прищурившись, и пробормотал:

— Старый чай слишком горький, не стоит его оставлять.

Фан Минцзюэ, вернувшись с заседания, ещё не знал, что его план с Сяо Цянем принёс два неожиданных результата.

Он только вошёл в Зал Сунъян и приказал подать еду, но Сяо Цяня нигде не было видно.

— Где императрица?

Фан Минцзюэ спросил, оставив Сяо Дэцзы в Зале Сунъян, пока он был на заседании с Доу Нин.

Сяо Дэцзы, расставляя посуду, подал Фан Минцзюэ чашу каши и ответил:

— Ваше Величество, императрица отправилась во Дворец Фэнъи.

Фан Минцзюэ нахмурился:

— Зачем она туда пошла?

Сяо Дэцзы слегка закашлялся, украдкой взглянув на Фан Минцзюэ, и тихо сказал:

— Ваше Величество, супруга герцога Жун прибыла во дворец. Императрица получила её прошение и приказала ожидать её во Дворце Фэнъи. Супруга герцога Жун... привела с собой молодого человека, который, как она сказала... должен быть подарен Вашему Величеству в качестве наложника.

Фан Минцзюэ, только что поднесший ложку ко рту, выплюнул кашу.

Во Дворце Фэнъи утренний иней и роса покрыли увядающие осенние хризантемы.

Полуоткрытое окно впускало прохладный воздух, и слабый утренний свет пробивался внутрь, создавая атмосферу умиротворения.

Однако хозяйка дворца была далека от спокойствия и не могла наслаждаться видом из окна.

Сяо Цянь, готовый разорвать соперника на части, сидел на главном месте, наблюдая, как Линь Лин ведёт двух человек к дворцу. Он сузил глаза, нервно постукивая пальцами по подлокотнику.

Впереди шла знакомая фигура — супруга герцога Жун, которую он уже однажды унизил. Сегодня она выглядела столь же величественно, гордо подняв подбородок, идя на полшага впереди Линь Лин.

Её фигура, напоминающая большую тыкву, была довольно внушительной, но это позволило рассмотреть человека позади неё.

Одетый в простую одежду, с чёрными волосами, собранными в пучок и закреплёнными нефритовой шпилькой, он имел лицо, которое было скорее женственным, чем мужским. Его движения были изящны, даже более грациозны, чем у многих женщин.

Сяо Цянь с холодным выражением лица подумал: «Стоит неуверенно, наверное, слабый. Не сможет удовлетворить моего императора, фу».

После завершения церемонии приветствия супруга герцога Жун, не успев сесть, заговорила:

— Ваше Величество, это мой дальний родственник, Сюй Мухуай, из Дунцзян Сюйлинь, ему всего шестнадцать. Его семья — из образованных людей, с безупречной репутацией, его внешность и характер превосходны. Он также немного умеет играть на музыкальных инструментах, рисовать и писать.

Она говорила, внимательно наблюдая за выражением лица Сяо Цяня.

Но лицо Сяо Цяня оставалось спокойным и отстранённым, трудно было что-либо понять. Только его тёмные глаза безразлично смотрели на Сюй Мухуая.

— Подними лицо, я хочу рассмотреть тебя.

Сяо Цянь сказал.

Его голос был низким и слегка хриплым, с холодной остротой, которая проникала в уши и тревожила сердце.

Юноша, опустивший голову, застыл, его лицо покраснело, и он поднял взгляд, встретившись

глазами с Сяо Цянем.

— Хм...

Сяо Цянь неопределённо промычал, чем больше он смотрел на этого слабого юношу, тем спокойнее становился. Его гнев немного утих, и он начал размышлять о скрытых мотивах супруги герцога Жун.

Супруга герцога Жун, видя, что Сяо Цянь не слишком возражает, почувствовала облегчение и решила, что дело в шляпе, и продолжила:

— Слышала, что Ваше Величество недавно выезжали из дворца и подверглись нападению. Как Ваше здоровье?

Это было уже давно, и если бы что-то случилось, то уже прошло. Сяо Цянь, не желая углубляться в этот разговор, кратко ответил:

— Ничего серьёзного.

Он сделал паузу, не дав супруге герцога Жун продолжить, и с сожалением добавил:

— Жаль только, что несколько служанок, которых прислала моя мать, должны были войти в дворцовый штат, но теперь их судьба неизвестна. Бедные девочки.

Супруга герцога Жун, едва сдерживая злобу, чуть не сломала зубы.

Теперь понятно, почему маркиз Аньчан, несмотря на свою бедность, отказался от сотрудничества с ней. Оказывается, они уже планировали отправить своих женщин во дворец. Эта семья, с их глупостью, действительно осмелилась отправить женщин в императорский дворец.

Супруга герцога Жун уже представляла себе целый заговор, её сердце переполнялось ненавистью. Она думала о том, чтобы сообщить об этом Ян Цзиню, но, обращаясь к Сяо Цяню, сказала с улыбкой:

— Маркиз очень внимателен и заботлив, всё делает с мыслью о Вашем Величестве. Но Ваше Величество, будучи добрым, не замечаете интриг женщин в доме.

Сяо Цянь, казалось, был сбит с толку этими словами и спросил:

— Что вы имеете в виду, супруга? Хотя моя мать... не слишком близка со мной, она не слишком задумывается о таких вещах...

Супруга герцога Жун, услышав это, поняла, что Сяо Цянь недоволен маркизой Аньчан, но не может открыто выразить это перед чужими.

Муха не сядет на целое яйцо, если есть трещина, всегда можно найти способ её расширить.

Супруга герцога Жун решила посеять раздор и начала играть свою роль. Сначала она сделала удивлённое лицо, затем опустила глаза и смущённо улыбнулась:

— Ничего, Ваше Величество, не обращайтесь внимания.

Сяо Цянь раздражённо сказал:

— Говорите прямо.

Супруга герцога Жун, опустив глаза, нерешительно произнесла:

— Недавно я слышала, что все подарки, которые Ваше Величество прислали во время визита, были выброшены из дома маркиза... Ха-ха, знаете, слухи, женщины любят сплетничать, Ваше Величество, не обращайтесь внимания.

Она взглянула вверх и заметила, как на лице императрицы мелькнула тень гнева.

Оба её плана были успешно выполнены, супруга герцога Жун с радостью встала, чтобы уйти, не забыв дать Сюй Мухуаю знак быть осторожным.

Линь Лин проводила их из дворца.

В зале стало тихо, Сяо Цянь подошёл к дивану, сел и налил себе чаю, выпив его залпом.

Сяо Цянь, разыгравший эту сцену, не чувствовал удовлетворения, но его горло пересохло, и он выпил две чашки, чтобы утолить жажду. Поставив чашку, он взглянул на Сюй Мухуаю, который скромно подошёл, одетый в яркие цвета, как молодая зелень.

Сюй Мухуай, чувствуя взгляд Сяо Цяня, вспомнил слова супруги герцога Жун: не провоцировать, угождать. Он улыбнулся в ответ.

Эта внезапная женственная улыбка заставила Сяо Цяня почувствовать, как будто чай застрял у него в горле, и он содрогнулся.

Он решил проверить этого человека и постучал по столику:

— Играешь в шахматы?

Сюй Мухуай прикусил свои нежно-розовые губы и тихо ответил:

— Ваше Величество, я немного умею, но не очень хорошо...

Сяо Цянь, ненавидящий болтунов, прервал его, громко поставив шахматную доску:

— Садись!

Сюй Мухуай замолчал, как безобидный кролик, и осторожно сел на край дивана, начав расставлять шахматные фигуры.

Сяо Цянь никогда не учился играть в шахматы. Он не знал ничего об искусстве, музыке или каллиграфии.

Но Сяо Цянь был гениальным стратегом. Те, кто хорошо разбирается в войне, редко бывают плохими шахматистами. Сяо Цянь не учился, но играл хорошо. И шахматы — это игра, которая показывает характер и мысли человека. Будет ли он прямым или изворотливым, скрывает ли он злые намерения или чист в своих помыслах.

Сяо Цянь часто использовал шахматы, чтобы понять людей.

Например, когда он играл с Фан Минцзюэ.

<http://bllate.org/book/16207/1454730>